

Аркадий Мацанов

НАХИЧЕВАНЕЦ

Начало в № 5 (188) — 7 (189)

Лев Маркович отстранил тарелку и откинулся на спинку стула. Григорий Христофорович снова наполнил бокалы вином.

— Вы не хотите касаться политики, — сказал он, даже не глядя на гостя, — так она вас коснется. Жить вне общества не удастся.

— Так какие задачи ставит ваша партия? — полюбопытствовал Лев Маркович.

— Мы делаем ставку на реформы и компромиссы, на замену неограниченного самодержавия конституционно-монархическим строем. Демократия, свобода совести, равенство всех перед законом, вне зависимости от социального положения, национальности или вероисповедания. Если приход к власти, поверьте, мы сможем построить самое справедливое и передовое общество в Европе!

— И настанет рай на Земле! — улыбнулся Лев Маркович.

— И наступит рай... — кивнул Григорий Христофорович, игнорируя иронию доктора.

— Блажен, кто верует, — грустно заметил Лев Маркович. — А вы, голубушка, — обратил он к Софье Андреевне, — как себя чувствуете?

— Слава Богу, выздоровела. Спасибо вам.

— Последнее время газет я не читаю, — обращаясь к Григорию Христофоровичу, сказал Лев Маркович. — Больших много. А третьего дня десять раненых к нам привезли. Если знаете, расскажите, что там, на фронте, творится.

— Что рассказывать? Всем надоела война. А сколько совершенно невинных жертв?! Когда был в Турции, видел такое, что на всю жизнь хватит. Если Бог даст сил, опишу все, что там увидел...

— Вам хорошо бы документы собрать! Это очень важная и нужная будет книга! Чтобы знали... чтобы помнили... чтобы не повторилось никогда...

— Вы правы. Вот за это давайте, любезный Лев Маркович, и выпьем! Григорий Христофорович снова наполнил бокалы.

— Недавно знакомый юрист прислал подборку немецких газет. Кружным путем, через Францию, морем, через знакомого старшего помощника капитана.

— И что в тех газетах?

— Третий год война. Поля сражения перепаланы взрывами и усеяны трупами.

— Так что в том нового?

— А рейхсканцлер распелал своего посла в Турции графа Вольфа Меттерниха, протестующего против массового убийства армян.

— Посол осмелился протестовать?!

— А что толку. Ему объяснили, что те зверства необходимы для того, чтобы связать как можно больше сил русских, чтобы на Западном фронте им было легче.

— Не очень понимаю, — удивился Лев Маркович, — при чем здесь армяне?!

— С военной точки зрения, это понятно. Война есть война!

— Так можно оправдать любое преступление. Чтобы отвлечь народ от революции, устраивают погром. Есть же какие-то законы! При чем здесь армяне, если им нужно сковать силы русской армии на Кавказском фронте?! Пусть себе там и введут активные боевые действия!

Как оказалось, Лев Маркович не так уж плохо разбирался в политике.

— Как при чем? Они сочувствуют их врагам, русским! — воскликнул Григорий Христофорович. — Но уничтожают не конкретных людей, которые предпринимали какие-то действия против Османской империи, а всех подчистую: стариков, женщин, детей. В Константинополе всю армянскую интеллигенцию уничтожили. Обезглавили народ!

— У сильного всегда бессильный виноват!

— Вот именно, — грустно улыбнулся Чалхушьян. — Досуг им разбираться... Виноваты уж тем, что хочется им создать мусульманское государство, а тут христиане под ногами крутятся! Потому и задумал я книгу написать. Вы правы, это должна быть книга — свидетельство, книга — обвинитель! И основываться она должна на беспристрастных фактах и документах.

— И как же вы эту книгу назовете? — Я долго думал над этим. Это будет «Красная книга»!

— «Красная»? — удивился Лев Маркович.

— Да! Именно «Красная книга»! Я видел красные от крови камни.

Земля была красной от нее. Говорят, и вода в реках была красной от крови... Просто «Красная книга»!

— Точное название, — кивнул в раздумье Лев Маркович. — И вы правильно сказали: она должна быть свидетельством обвинения.

Григорий Христофорович взял бутылку вина.

— Мы с вами заговорились. Давайте лучше выпьем за то, чтобы не было на земле войн, обездоленных и униженных...

— Чтобы не было нигде никаких погромов... — эхом отозвался Лев Маркович, поднимая бокал.

После обеда все перешли в гостиную, где Софья Андреевна спросила у Евгения Наумовны:

— А как ваша Олечка? В следующем году она оканчивает гимназию.

— Будет пытаться поступить в Московский университет на медицинский факультет. Хочет, как отец, лечить людей.

— А чего же не в наш, ростовский? — Не знаю... — ответила Евгения Наумовна. — Втемяшится в башку какая блажь, колом ее отудова не вышибешь! Упряма. Но учиться хорошо, слава Богу! А Сусанна ваша как? Они же в одной гимназии.

— Не знаю, — смущенно ответила Софья Андреевна. — Ленивая. Ничего делать не хочет. Только книжки и читает... Девушки сидели здесь же, слышали, что о них говорят их матери, но в разговор не вмешивались. Не принято было детям вступать в разговор взрослых.

Август в горах — коварный: днем жарко — солдаты обливались потом, ночью холодрыга такая, что зуб на зуб не попадает.

Унтер-офицер Рубен Григорьевич Чалхушьян пользовался среди солдат особым уважением, считался бывалым воином. Грудь его украшали два георгиевских креста и нашивка о ранении.

Вот и сейчас, после тяжелых боев, в которых их основательно потрепали, полк отправили в прифронтной тыл, чтобы солдаты немного отдохнули, привели себя в порядок, отъелись, пополнили боеприпасы. Должно было прийти и пополнение.

Их тридцать пятий армейский корпус был переброшен на Кавказский фронт с Запада, имел уже большой боевой опыт. Пулеметная команда остановилась в небольшом горном селе, почти пустом после того, как русские войска заняли эту территорию.

Мусульманское население ушло с отступающими турецкими войсками. С армянами же турки жестоко расправлялись: вырезали целыми семьями, насиловали женщин, издевались над стариками. То тут, то там видны были почерневшие остовы сожженных домов. Земля была красной от крови. Небольшую христианскую церквушку разрушили до основания. Всюду бродили одичавшие собаки.

Нужно ли говорить, что творилось в душе унтер-офицера Чалхушьяна.

Рубен Григорьевич лежал в землянке и смотрел в темноту. Перед ним все время стояли страшные картины зверств.

Вокруг него расположились солдаты.

После того как из части в буквальном смысле украли командира пулеметного взвода прапорщика Щукина, его назначили командовать взводом. Алексея Щукина через два дня нашли в одном из аулов распятым на кресте. Глаза его были выколоты, на теле порезы, кровоподтеки. Видно, перед тем как распять, офицера пытали.

— Когда же это кончится?! — воскликнул Тимофей, пулеметчик из Екатеринодара. В его глазах горел огонь ярости.

Чалхушьян ничем не отличался от простого солдата, не требовал к себе особого отношения и считался своим. Всем надоела эта война. Все чаще можно было услышать что-то вроде:

— Паны дерутся, а у холопов чубы трещат. Боже, когда же это кончится?! Вчерась спал, а мне снились тяжелые подсолнухи и цветастые сарафаны баб на лугу...

Сначала Чалхушьян не обращал на эти разговоры внимания, думал: устали люди. Но среди вновь прибывших появился образованный паренек. Кукушкин, ефрейтор первого расчета, его назвал Интеллигентом, и кличка та за ним закрепилась. Он рассказывал о том, что такое демократия. Потом говорил о несправедливостях, творящихся в России, о большевиках и их борьбе...

Чалхушьян слушал и молчал. Когда было уже совсем поздно, заметил:

— Хватит ласы точить. Пора на боковую. Завтра не бабы вас ждут... Спали недолго. Часа в три его разбудил паренек из пополнения.

— Ваше благородие, конвой казачий!

Рубен вышел навстречу гостям. Из-за поворота в направлении их домика скакали два всадника.

— Унтер-офицер Чалхушьян? — спросил казак, сходя с лошади. Мужчина улыбался, поправляя большие усы.

— Так точно! С кем имею честь? — Хорунжий Григорьев. Вы — командир пулеметного взвода?

— Так точно! А вы — мой сосед слева?

— Так оно и есть. В шесть выступаем. Я надеюсь на твои пулеметы, унтер, а то у меня многих хлопцев покосило. Давай выпьем за знакомство, — предложил хорунжий, доставая откуда-то из-под седла флягу с самогонном. — Только закусить, извиный, нечем.

Он протянул флягу. Рубен, отпив несколько глотков мутного самогона, вернул ее хозяину.

— Нужно хоть часок покемарить, а то буду чумным, — кивнул хорунжий, вскочив на коня. — Какое-то нехорошее у меня предчувствие... Жалко помирять при такой красе! Ты на небо взгляни! У нас на Дону в это время такого неба нет...

— Вы с Дона? Мы — земляки?! Я из Нахичевани! Небо и у нас красивое. Вы, господин хорунжий, поэт, а своим предчувствиям верить нельзя. Если думать о плохом, можно сойти с ума!

Хорунжий взглянул на унтер-офицера, улыбнулся и, бросив: «Рад знакомству», — усакал с сопровождающим его казаком в темноту.

Утром был бой. Армия, в которой воевал унтер-офицер Чалхушьян, прорвала турецкий фронт и вышла в тыл противника, взяв крепость Эрзерум. Перед ними был Курдистан. Корпус с боями продвигался в глубь Турции. Горы для них, привыкших сражаться на равнине, были неприступны. Карабкались неумело, шли по бездорожью. Противник то и дело исчезал из поля зрения.

Как-то казак, огромный подвыпивший верзила, привел к ним дезертира. Тот был невысокого роста, какой-то плевшиный. Оружия при нем не было.

— Кто такой?

— Шишкин я, второго взвода рядовой, — ответил дрожащий от страха солдатик.

— Чего же бежал, сволочь? — допытывался казак. — Изрублю, как капусту, заячья твою душу! Пошто за камнем прятался, ублюдок?

— Так не дезертир я! Заблудился. Вчерась выпил маненько и заснул. А проснулся — наши уже убегли. И где их черт носит, не знаю...

— Да я тебя!

— Оставь его! Мы разберемся. Казак замахнулся и хотел было ударить незадачливого солдата, но Чалхушьян перехватил руку и спокойно повторил:

— Разберемся.

По дороге протрусил ишак под грудой дров. За ним шла пожилая горянка, не обращая внимания на стоящих неподалеку русских солдат. Это отвлечение казака. Он грубо выругался, недовольно взглянул на Чалхушьяна и пошел в сторону, куда шла женщина.

Донцы, природные конники, в эту войну впервые выставили из своей среды пехоту. Это был пеший казак, и было непонятно, кто он есть и не является ли дезертиром. Пьяный плохо понимал, где находится, но Рубен не стал его задерживать...

После боя, когда ночь накрыла горы темным покрывалом, солдаты поужинали, Чалхушьян уже дал команду выставить охранение, а остальным отдохнуть. Вдруг к ним прискакал знакомый хорунжий. Поговорили, выпили, как полагалось. Хорунжий и рассказал историю, от которой Рубен долго смеялся.

— Ты знаешь, унтер, что у нас есть вьючный обоз из ишаков для переноски боеприпасов, продуктов, особенно туточки, в этих проклятых горах. Ночью ишаки поднимают такой рев, что в пору давать команду «По коням!». Не отличишь: то ли турки артиллерией нас накрыли, то ли еще что. Даже турки иной раз начинали стрелять, думали — наступление началось! Хлестали их плетями — ничего не получалось. Орут!

И вот однажды сидим мы вечером, баланду травим. И вдруг — не понимаю, что за чудеса, мать твою!

Тишина! В чем дело, спрашиваю. Так мне мой казак, Матвеем кличут, и говорит, что давно заметил: ишаки задирают головы и одновременно поднимают хвосты, как говорится, трубой. Вот он и придумал: к каждому хвосту привязал веревкой большой камень. Почувствовав, что что-то им мешает поднять хвосты, ишаки успокоились!

Слышавшие эту историю пулеметчики Чалхушьяна громко засмеялись.

Кто-то из сопровождающих хорунжего казаков, испытывавших после боя уважение к пулеметчикам, уже изрядно выпивши, завел песню:

*Из донских степей привольных,
Через Клыч-Гайдукский
перевал*

*Идут стройными рядами
Донцы в Турцию на «бал»...*

Продвигаясь вглубь Турции, корпус, где воевал Чалхушьян, вышел к Эрзинджану, за которым были владения кочующих курдов. Поднимались по козым тропам, ведя нагруженных вьючных лошадей на поводе. Затем, разгрузив лошадей, солдаты отводили их вниз, в долину, за следующей партией боеприпасов, продуктов.

Долина была в цвету, в то время как на высотах лежал старый снег.

Какое-то время противник вел себя пассивно. Но предстояло сражение за Эрзинджан. Чалхушьян еще раз проверил своих пулеметчиков. Битва обещала быть жаркой.

Выставив на ночь охранение, Рубен Григорьевич прилегал отдохнуть. В прошлую ночь курды вырезали целый пост: трое солдат и офицера. Как только небо стало сереть, началось наступление.

Унтер-офицер Чалхушьян привычно залег в окопчике у первого номера и вел корректировку огня. Противник отвечал залпами пушек. Снаряды валились в непосредственной близости от позиции, где укрылись пулеметчики, и Чалхушьян отдал приказание сменить позицию. В разгаре боя был ранен командир пулеметного взвода. Подоспевшие санитары утащили его подальше от рвущихся снарядов, наложили жгут, перевязали руку, усадили на лошадь и отправили в лазарет. За этот бой унтер-офицер Рубен Григорьевич Чалхушьян был награжден третьим Георгиевским крестом и представлен к званию фельдфебеля. К этому времени он был уже убежденным большевиком...

Три месяца фельдфебель Чалхушьян провалялся в госпиталях и встретил Февральскую революцию в Баку. Там он и познакомился с девушкой, которая стала его женой. Звали ее Ануш. Она окончила курсы медицинских сестер и работала в госпитале, где лежал Рубен.

— Рубен, сердце мое, — говорила Ануш мужу, — плохо мы с тобою сделали... Жениться без благословения родителей. Мои же давно нет. Остался старший брат, но я не знаю, где он, жив ли. Но твои — родители, слава богу, живы. Хотя бы написали им, а то без благословения я чувствую себя просто падшей женщиной!

— Что ты такое говоришь, Ануш?! Почему падшей? И как мне написать письмо, когда идет война и почта не работает?! Я тебя люблю! Люблю! — повторил он. — Это чувство должно нас возвышать! К тому же у нас будет ребенок! Разве это может быть грехом? Впрочем, мы живем в новое время, и никакого благословения ни от кого не нужно брать! К тому же, ты же знаешь: я не верю в бога!

— Тише, глупый! Можешь в бога не верить, только зачем же кричать об этом?!

Девушка прижалась к нему. Рубену казалось: вот оно — счастье! И больше ничего не нужно! Но потом вспомнил разрушенные армянские села, сожженные церквушки и встал. — Я курю.

Он насыпал из кисета табак в квадратик газеты, свернул самокрутку и стал выбивать огнивом искру.

— Ты бы вышел во двор... В последнее время почему-то не выношу запаха дыма.

После госпиталя фельдфебеля Чалхушьяна комиссовали, и они с женой некоторое время снимали комнату. Баку того времени был провинциальным восточным городом. Небольшие покосившиеся домишки, спускающиеся к морю, серые люди, бовящиеся лишний раз выйти на улицу. По городу расхаживали мужчины в замысловато повязанных чалмах, в духанах шипели жаровни,

а кофейни распространяли вокруг сладковатый запах кофе. Брдобреи и цирюльники стояли у дверей, ожидая посетителей. Их было мало. Редко по пыльной улице промчитесь всадник, и из-под копыт его лошади с громким кудахтаньем вылетают перепуганные куры, утки. Собаки ошалело бежали по захламленным улицам за возмутителем спокойствия, но вскоре отставали и, недоброжно продолжая лаять, поворачивали назад. Старик таскал за поводок упрямого осла, громыхала арба, груженная домашним скарбом.

В марте 1918 года власть в Баку захватила Бакинская коммуна, при этом дашнаки, мстя за резню армян в Турции, устроили резню мусульман. Лилась кровь ни в чем не повинных людей.

А в июле власть перешла к Диктатуре Центрокаспия. Теперь новые власти потворствовали резне армянского населения города. В сентябре в Баку вошли турецкие войска. В это время Чалхушьян, вступив добровольцем в русскую армию, служил командиром пулеметной команды. Ануш осталась в городе, так как была на шестом месяце беременности.

Паника в городе усиливалась. То и дело были слышны крики и зовы о помощи. Турецкие регулярные войска в союзе с разбойничьими бандами заняли город, подвергая его разграблению, расстреливая или подвергая всевозможным насилиям христианское население.

Во время этого кошмара в комнату к Ануш ворвались двое турок. Они изнасиловали и убили беременную женщину. Об этом Рубен узнал, лишь когда в городе снова поменялась власть и он смог приехать, чтобы известить жену.

Партия Дашнакцутюн приняла решение убивать организаторов геноцида армян. Был убит бывший премьер-министр Азербайджана, руководивший резней армян в Баку в сентябре 1918 года. В Константинополе убили бывшего министра внутренних дел.

Позже Рубена и его братьев обвиняют в принадлежности к партии Дашнакцутюн и расстреляют. Но это случится много лет спустя...

А пока Рубен служил командиром пулеметной команды, судьба бросала его по стране, и только на Дон он попасть никак не мог.

В 1918 году Рубен Григорьевич Чалхушьян вступил в партию большевиков и продолжал служить теперь уже в Красной армии.

Во второй половине 1918 года Красная армия освободила территорию Поволжья, часть Урала. После Ноябрьской революции в Германии Советское правительство аннулировало Брестский мир, освободило Украину и Белоруссию...

Но в одном из боев уже совсем недалеко от своего дома, у Азовского моря, снова было тяжело ранен командир пулеметной команды. Его отправили в Мариуполь. Оттуда перевезли в Москву, где он провалялся около года.

Потом была работа при штабе РККА, когда полностью исчезло понятие дня и ночи. Работал, засыпая на стуле за столом. По партийным делам ездил в различные округа, организовывал начальные школы пулеметчиков.

Но ранение все время давало себя знать. Он снова лежал в госпитале. Несколько раз его оперировали. Наконец, убедившись, что пулеметчик Чалхушьян по состоянию здоровья больше не может служить в РККА, его окончательно комиссовали и, учитывая образование, направили работать экономистом в Академию наук. Это было в 1925 году.

Перед тем как ему приступить к работе, дали отпуск, чтобы он смог навестить родителей, и Рубен Григорьевич поехал в родную Нахичевань. Дома застал поседевшую мать. Отец был на работе. Со слов матери узнал: Леон работает в Харькове, строит тракторный завод; Серафим и Степан — в районах Северо-Кавказского края, домой приезжают нечасто. Младшие сестры вышли замуж. Сусанна учится в Москве.

Когда вернулся с работы отец, Рубен удивился переменам, которые с ним произошли. Когда-то это был очень энергичный, молодой человек, умеющий принимать решения и активно участвующий в политической жизни страны. Теперь в дом вошел располневший пожилой человек. Голубые глаза помутнели. Огромный лоб мыслителя обрамляли седые волосы. Под глазами — мешки. Голос его был с хрипотцой и тихий.

Продолжение следует